
ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ СЕВЕРЯН

И.В. Власова

К изучению мировоззрения и самосознания севернорусского населения (по источникам XII—XX вв.)

В современных этнографических исследованиях все чаще на первый план стала выдвигаться проблема народного самосознания, поскольку в нем можно найти отражение разнообразных сторон жизнедеятельности людей. С этой точки зрения под народным самосознанием понимается осознание человеком/населением или народом в целом своего мировоззрения, образа жизни, поведения, характера (психологии), оценка и самого себя, и окружающего мира, отношение к себе и к людям. В свою очередь, народное мировоззрение включает в себя видение мира, присущее тому или иному народу с его представлениями о времени и пространстве, о месте и роли человека/народа в этом мире, о его ценностных установках и нравственных ориентирах.

Народное самосознание не остается неизменным и во времени, и в пространстве. На осознание людьми своего отношения к окружающему миру (среде), к себе, на мотивы их поведения, на оценки своего образа жизни, поступков и разных деяний влияет множество факторов. Важное значение среди них приобретают факторы культурно-экологического, этнопсихологического характера, результатом чего являются поиски людьми смысла внутри и вне традиционной культуры, носитель которой — либо отдельный человек, либо население того или иного региона, либо народ в целом, т.е. поиски такого смысла в своей и иных культурах.

Проявления самосознания/осознания могут существенно различаться в разные эпохи, в разных местах (территориях), на своей этнотерритории и в инородной среде, на староосвоенной народом земле и в новых землях и т.д.¹ И тут эти проявления выступа-

ют во взаимодействии или соотношении разных видов самосознания. Ими могут быть сознание этническое, религиозное, социальное, общественное (коллективное), этнопсихологическое, семейное, правовое (юридическое), сознание крестьян – носителей земледельческой культуры и др. Каждый из этих видов сознания состоит из множества компонентов, выявление и изучение которых может дать довольно целостную картину историко-культурного развития того или иного населения или народа.

Привычнее всего искать отражение в самосознании черт народной духовной культуры, ибо в ней можно найти проявления поведенческого, оценочного, психологического, ментального характера. Но в неменьшей степени эти стороны жизни людей “запечатлены” и в материальной культуре. Исследуя последнюю, можно усмотреть отношение людей к вещам, природе, ко всему тому, что человек создает собственными руками, к явлениям повседневности, к своему социальному и семейному облику (статусу). И все это связано с формой деятельности человека и его самовыражением.

При изучении народного самосознания очень важен такой подход, который предусматривает рассмотрение культуры народа изнутри, с его точки зрения, так как народ и “творит” эту культуру, и передает ее последующим поколениям. Такой подход дает большие возможности для понимания глубинного смысла культурных традиций, для реконструкции целостной картины мира их носителей, для выявления характера самосознания в историко-этнографическом аспекте².

Русское самосознание и “русский вопрос” приобретают огромное “звучание” в настоящее время, когда с новой силой началось проявление этнического и других видов самосознания народов. Проблема же разного вида русского самосознания, его становления и трансформаций в различные исторические периоды – одна из важнейших для современного научного рассмотрения, столь долго молчавшего, когда речь заходила вообще об исследовании различных проблем этнокультурного развития русского народа как якобы наиболее изученного из народов России.

Попытаемся рассмотреть проявления народного самосознания и его отражение в культуре на примере севернорусского населения. Посмотрим, как формировался севернорусский культурный тип и самосознание северян на протяжении длительного времени – с периода освоения Русского Севера славянами и до наших дней, т.е. в ходе общей истории русского этноса. Для этого необходимо вспомнить в самых общих чертах, как развивался русский этнос и как выделилось внутри него севернорусское население.

Русский народ, как и любой другой, характеризуется единством языка и самосознания, общностью своей народной культуры – и материальной, и духовной. Это единство никогда не исключало различий в отдельных регионах, разных хозяйственных зонах и территориях с иноэтничным соседством, на Русском Севере в том числе. Различия были разного характера и происхождения и обуславливались этнической историей русских. Некоторые из них восходят к глубокой древности – к раннефеодальному и даже дофеодальному этапам истории. Они выявлены археологическими исследованиями, свидетельствующими, что еще у восточнославянских племен были отличительные особенности в материальной и духовной культуре. Такие особенности возникали и позже, при расселении славян в Восточной Европе и их взаимодействии с аборигенным населением, и при формировании восточнославянской государственности в X–XIII вв., и еще позднее – в XVI–XVIII вв. – в процессе освоения русскими все новых земель и вхождения других народов в единое с ними государство. В XIX в. этническая история русских продолжалась и вносила коррективы в единство народа. Наряду с его адаптацией на новых территориях и консолидацией (упрочением единства) происходили и взаимовлияния, и взаимопроникновения в культуры народов. Процессы ассимиляции, имевшие место на ранних этапах истории, в ряде случаев происходили и в XIX в. при пограничном или смешанном расселении и численном преобладании какого-либо этноса.

Весь ход истории привел к тому, что на территории размещения русских сложились историко-культурные зоны, а в них – отдельные их группы, у которых были различия в локальном, сословном, этническом или вероисповедальном отношении, что сказалось и на самосознании этих общностей народа. Основная черта этнической истории русских на всем ее протяжении до начала XX в. – это образование их локальных групп в разнообразных условиях, как в неосвоенных землях, так и при “просачивании” на территории других народов или “обтекании” чужих земель. На сложение территориальных групп в значительной степени влияли природно-климатические и зонально-географические факторы, обусловившие хозяйственную деятельность и быт населения. На сложение сословных групп влияло социально-экономическое развитие отдельных районов; конфессиональных групп – различное вероисповедание; этнотерриториальных – те или иные этнические процессы и контакты с различными народами. Все это воздействовало на восприятие людьми окружающей их среды, на сложение определенных черт характера, психологии, образа жизни и явилось составной частью их самосознания.

Как указывалось выше, в пределах русского расселения можно выделить историко-культурные зоны – северную и южную, а также среднюю полосу между ними, главным образом в междуречье Оки и Волги. Такое деление в основе своей имеет различия у жителей этих зон по языку и народной культуре (севернорусской и южнорусской). В средней полосе, где формировалось ядро русской народности, наблюдался синтез черт в языке, культуре и во всех сторонах жизнедеятельности. В XIX – начале XX в. еще прослеживались четкие различия русских в историко-культурных зонах, в дальнейшем же шло быстрое сглаживание этих черт. Тем не менее и в настоящее время эти отличия осознаются северянами и южанами. Их “противостояние” сказывается не только в бытовой или хозяйственно-экономической сфере, но даже и в политической жизни страны (пример: различные войны, конфликты происходят на “опасном пространстве” юга). И в основе такого “противостояния” заложено историческое развитие народа в каждой из этих зон. Если северяне формировались как жители лесной зоны, то южане – как степняки. Этнокультурный облик славянина – русского-земледельца складывался в разных условиях и при взаимодействии с разными неславянскими этносами, населявшими и северные, и южные пространства. Именно в этих условиях и взаимодействиях устанавливались связи людей с “кормящим ландшафтом” и между собой, складывались те или иные их антропологический (физический) тип и менталитет³.

Еще со времен Киевской Руси и Новгорода расселялись по восточноевропейским территориям два славянских потока (север и юг); позднее русская общность (консолидированность) вобрала в себя эти два исходные компонента. Из таких древних потоков заселения и начало слагаться южнорусское степное и северное лесное население, между которыми всегда осуществлялись контакты. И у тех, и у других шли ассимиляционные процессы: на юге – со степными народами, на севере – с угро-финнами, что и приводило к этническому синтезу в той или иной зоне, к адаптации каждой – и северной, и южной – общности к условиям своей зоны. Таким образом, при освоении двух разных ландшафтов и взаимодействии с разными народами шло формирование северных и южных русских.

Благодаря такому историческому прошлому северные и южные русские расходятся в “глубинных этнических, культурных и психологических характеристиках”. Тем не менее слияние их в один народ было неизбежно, ибо с XI–XII вв. вся система “лес–степь” уже была в едином полиэтничном государстве. Затем Москва и Московская Русь с XIV в. закрепляла это единение, а Петербург и Российская империя с XVIII в. закончили процесс

а

б

Северные деревни русских: а – д. Курья Троицко-Печорского р-на. Коми. Фото С.Н. Иванова, 1983 г.; б – д. Бекетовская Вожегодского р-на Вологодской обл. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.

объединения всех земель и народов⁴. Юг и север остались на многие века и до наших дней “спрятаны” в подсознание народа, в его историческую память и сейчас еще проявляются в различных сторонах народной культуры.

Настоящая статья касается севернорусской историко-культурной зоны, ее отдельных районов (ареалов), развитие которых шло по общему пути. Народная культура Русского Севера прослеживается на обширной территории от Волхова на западе до Мезени на востоке, от Белого моря на севере до верховьев Волги, Вятки, Камы на юге. Как и всякой маргинальной (крайней) культуре, формировавшейся на периферии общей культуры да еще в иноэтничном окружении, народной культуре Русского Севера присуще соотношение “своего” и “чужого”, сравнение “своих” и “чужих” ценностей, “своего” и “чужого” осознания окружающего мира⁵. В статье уделено внимание отдельным районам этой территории, главным образом Вологодской земле, этническая история которой неотъемлема от истории всего Севера. Севернорусское население, в том числе вологодское, приняло участие в процессе сложения и консолидации русского народа, в формировании его народного самосознания. Оно внесло свой вклад в создание общенародной русской культуры, ее северного варианта⁶.

Комплекс разнообразных источников позволяет рассмотреть проблему формирования самосознания севернорусского населения начиная с периода славянского заселения и освоения Севера. Здесь приводятся материалы, свидетельствующие о происхождении северян, их контактах, этнической истории на разных ее этапах, т.е. речь пойдет более об этносамосознании, осознании себя северянами, нежели о других его видах.

Знание и память о своем славянском происхождении население этих земель оставило в сообщениях еще первых русских летописей, а также в преданиях и легендах, сохранившихся до XX в. Показателем развития самосознания северян и явилось это знание собственного происхождения и заселения новых земель. В “Новгородской первой летописи” отразилось самоощущение славян, отличавших себя от племен *ями, веси, чуди заволоцкой, перми, печоры, угры*, которые в летописи назывались собирательно *чудью, чудскими племенами*. Центральные районы Севера (будущие вологодские земли), судя по летописи, занимали *весь и чудь заволоцкая*: “...а на Белом озере сидит *весь*”; “И посади Святослав сына своего Глеба... и бежа за Волок (в Заволочье. – *И.В.*) и убиша *чудь*”⁷. С *весью* и *чудью заволоцкой* встретились проникшие сюда *ильменьские словене* из Новгорода и *кривичи* с Верхней Волги.

Славяне четко разграничивали себя с *чудью*, и следы этого в народной памяти жили на протяжении многих последующих веков. Особенно богаты такими воспоминаниями народные предания о *чуди*, ее “убежищах” (*ямах*), “чудских кладах”, о встречах и взаимоотношениях славян и *чуди*. Так, в одном из стихов, извест-

ном в Белозерье, сложенном на основе таких преданий, говорилось о приходе славян на Север, о конце “варяжского периода” его истории: “Как праотцы наши словени-народ изгнаши варяги и сами к собе почаша владети...” Сознавая, что варяги – “пришельцы те суть”, а сами они – “Русь наречется земля и народ” (уже Русь, единение с Русью), славяне помнили, что здесь “преже ко беша словени и чудь”⁸. Понимание славянами своей специфики при сопоставлении с другой этносредой становилось уже в тот ранний период истории северных народов компонентом их этнического самосознания.

Довольно значимым для изучения этого периода истории Русского Севера (XI–XIII вв.) является археологический материал. В нем есть прямые свидетельства о контактах славян и чуди. Для Вологодской земли, например, такой источник – отдельные находки и целые археологические памятники, обнаруженные на северо-востоке Белозерья, в бассейне Ваги (Корбала, Усть-Пуй), по рекам Кулою и Кокшеньге, по Шексне около Череповца, у пос. Векса на Сухоне, около Великого Устюга и др.⁹ Есть и находки, относящиеся к еще более раннему времени контактов славян и финно-угров в пределах Вологодского края (конец V – начало VI в.), – по Суде, Шексне¹⁰. Последние – пока единичные свидетельства о таких процессах, происходивших в отдельных местах микротерритории, хотя именно здесь со временем прошел один из путей славян из Новгорода на Сухону, о чем есть свидетельства антропологического характера (см. ниже).

Данные раскопок позволяют решать очень важные проблемы истории Севера: кроме историко-географического аспекта, раскрывающего направление и этапы освоения региона славянами, а также палеоэкономического и палеодемографического состояния народа, археологические находки говорят и об этнических процессах, даже характере их, а следовательно, могут свидетельствовать и о становлении самосознания у севернорусского населения. Так, ко времени сообщений первых русских летописей контакты славян с чуждью в центральных северных районах, судя по археологическим находкам, заканчиваются славянской ассимиляцией племен веси в Белозерье, по Мологе, Колпи, Шексне уже к X–XI вв. и включением их в состав древнерусской народности. Об этом ярко свидетельствует вещевой археологический материал (орудия труда, керамика, одежда, украшения). Не менее значимы в этом отношении находки, говорящие о христианизации населения региона.

Известно, что интеграции этнической среды способствовала единая религия. Разное же вероисповедание служило этнокультурным разделителем. Ассимиляционные способности сла-

вян/русских были сильны при их религиозности и особенно когда свою веру они могли передать иноэтносам¹¹. Уже на самом раннем этапе совместной истории народов Севера происходило распространение среди них христианства¹². В древнерусский период христианизация шла в районе Белоозера–Лачеозера, где в погребениях того времени присутствовали кресты и образки. Позднее такие вещи из захоронений исчезли, но появились относящиеся к “дарам погребенным”. В этом проявляются взаимовлияния при формировании местной культуры этносов, тот синтез черт народов, который был результатом их быстрого смешения при совместном проживании и постепенной ассимиляции при чересполосном расселении. И то, и другое вело к формированию единого самосознания, и таким образом, севернорусское население в тот ранний период стало осознавать себя не только славянским, отличая себя от чуди, но и, можно думать, православным, да и славянская ассимиляция веси и чуди заволоцкой ускорялась принятием последними христианских норм жизни и обрядности. На данном этапе приход к одной вере способствовал тому, что вера теряла значение культурного разделителя, и у северных народов обнаруживалось все больше общих культурных черт.

Следующий этап славянского освоения Вологодской земли отражен в более поздних летописях (начиная с XIV в.), которые свидетельствуют о новгородско-ростовском соперничестве здесь, вторжении в него московских князей и включении края в XV в. в состав Великого княжества Московского. Тогда славяне тут формировались как севернорусское население, которое, судя по историческим документам, осознавало себя частью всего русского народа. Подтверждением этого служат и политическая история, и военные события XIII–XIV вв., зафиксированные в общерусских и местных летописях, когда северное население, например, вместе со всем народом участвовало в военных действиях против общего врага. Несмотря на осознание такого единства, северяне стали именовать себя не как прежде – *славяне* и *чудь*, а областными (локальными) названиями, отражавшими их территориальное размещение: *двиняне*, *важане*, *белозерцы*, *устюжане*, *тотьмичи*, *вологжане*. Именно жителями этих земель – по Двине, Ваге, Белоозеру и т.д. – ощущало себя их население, и такие их самоназвания играли в то время роль своеобразных этнонимов. Косвенные указания на территориальные наименования жителей можно найти в новгородских берестяных грамотах XIII–XIV вв., в которых повествовалось о сборе дани для Новгорода с жителей разных северных территорий: “Приехав и (з) Заволоцея, носиле серебро...” (первая четверть XIV в.); Иван Калита в 1332 г. “взверже гнев на Новгород, прося у них серебро закамское” (которое сначала в ви-

де дани шло в Новгород через Заволочье)¹³. Многочисленный актовый материал и данные поздних русских летописей XV–XVI вв. отразили этот этап этнической истории края, давая возможность понять суть этнопроцессов в различных районах: будь то ассимиляция, этносмещения, оттеснение одного этноса другим, а значит, в последнем случае – минимум этноконтактов.

Степень контактов зависела от характера славянской колонизации земель. Когда в XII–XV вв. вместе с феодальными захватами шло массовое крестьянское заселение Севера, происходила быстрая ассимиляция местного финно-угорского населения. В пределах современного Вологодского края это случилось с территориальной группой *белозерцев*. Чудские же племена веси по Белому озеру и Шексне еще в X в. были ассимилированы и включены в состав древнерусской народности. Аналогичное явление произошло с предками коми в верховьях Северной Двины и низовьях Вычегды. Быстрая ассимиляция финно-угров славянами, а следовательно, сложение славянского состава населения, была и в районах по Двине, Ваге, Сухоне, Шексне.

Другой характер ассимиляционных процессов наблюдался в местностях, где в XII–XV вв. феодальные захваты завершались лишь установлением власти феодалов над местным населением и не сопровождалась массовым крестьянским проникновением из Новгородской или Ростово-Суздальской земель. Там шла медленная и постепенная ассимиляция местных жителей. Такой характер ассимиляции в пределах вологодских земель имел место, например, в Судском районе, где обрусение потомков веси – вепсов – затянулось до второй половины XX в. По крайней мере, в XVI в. здешняя весь была двуязычной, т.е. не потеряла свой язык¹⁴.

Ассимиляционные процессы – свидетельство мирного характера славянской колонизации Севера. Она происходила быстрее, когда при хозяйственном взаимодействии возникали и семейные связи. О смешении новгородцев с “чудинками” говорят предания жителей Андангских починков (место новгородского Анфалова Городка). В олонецких деревнях бытовали предания о “брачующихся крестьянах с финскими девицами”. Тесные родственные связи в течение веков развивались путем этносмещений у местных финно-угров и славян по Сухоне в районе будущей Шуйской вол., так что эти народы, как считало местное население, “слились в один народ”. Со временем русские появлялись в неосвоенных местах не в одиночку, как в древности, а семьями, и тогда смешения с финнами сходили на нет. Следы смешений раньше всего стали исчезать на пространстве от Водлоозера к Каргополю¹⁵.

Ассимиляции также содействовал демографический фактор. Любой этнос в окружении другого многочисленного этноса неизбежно “поглощается” численно превосходящим народом, а таким последним были русские Севера.

Географические условия Севера влияли на протекание (переплетение) этнокультурных процессов, что было заметнее у жителей речных бассейнов, где шла колонизация земель, позднее по проложенным трактам, где происходило обрусение северных народов – архангельских и олонечких карел, а в устюжско-сольвычегодских местах – коми. Сближению этносов способствовали и их торговые связи и занятия. В глухих же лесных пространствах ассимиляции почти не наблюдалось, ибо там аборигены отступали в глубь территорий, не вступая в контакты со славяно-русскими пришельцами, особенно при неоседлом образе жизни первых.

Этим же процессам по-прежнему способствовала религия. Ее общность облегчала культурное взаимопроникновение. Вообще в жизни Русского государства, особенно со времен Московской Руси, имело первостепенное значение конфессиональное единение многих народов, несмотря на их разное этносознание. Именно крещение ряда соседей русских способствовало их объединению, сближению многих сторон жизнедеятельности. Но при этом не стиралось осознание себя, своей принадлежности к тому или иному народу. Приведенные ниже примеры о населении разных районов Русского Севера послужат подтверждением тому.

Сопоставляя показания разных дисциплин, можно выявить синтез компонентов, на основе которых формировались севернорусское население, его культура и развивалось его самосознание, можно увидеть обусловленность такого развития отмеченным выше характером славянской колонизации, контактами славян и финно-угров, т.е. конкретными этническими процессами.

Данные антропологии, как и приводимые археологические свидетельства, отражают ассимиляцию финно-угров славянами, а следовательно, сложение славянского состава населения, что произошло в районах по Двине, Ваге, Сухоне, Шексне. Здесь у населения сформировались антропологические типы, присущие славянам: *ильменьско-беломорский* (по М.В. Витову), распространенный в Заонежье, Нижнем Подвинье, Белозерье, а в пределах Вологодчины – в Мологско-Шекснинском крае (по пути новгородцев на Сухону, о чем говорят и приведенные данные археологии); *верхне-волжский* – от Белозерья до Устюжского края в местах продвижения на Север населения с верхней Волги и из центральных русских районов. Здесь шла быстрая ассимиляция аборигенов, ибо ей предшествовало, как уже отмечалось, массовое славянское проникновение на эти земли.

Другой характер этнопроцессов – медленная и постепенная ассимиляция местных жителей славянами – наблюдался в местах, где в XIII–XV вв. не было такого крестьянского продвижения. Эта длительность ассимиляции привела к формированию у населения водоразделов и окраин *онежского* антропологического типа (по М.В. Витову), четко выявляющегося у карел и вепсов, а у русских – по Онеге, Верхней Пинеге, Верхней Тойме, Верхней Сухоне, Вычегде. Этот антропологический тип отличается от славянских наличием *сублапаноидных* признаков (по Н.Н. Чебоксарову) – уплощенностью и слабым волосатым покровом лица, развитием складки верхнего века и др.¹⁶ В дальнейшем, даже в XIX–XX вв., жители северных земель находили отличительные признаки в своем физическом облике, связывая с ними знание о своем происхождении, осознание себя принадлежащими к тому или иному населению.

Не меньшим, чем антропологические данные, свидетельством ассимиляции славяно-русскими местных финно-угров является лингвистический материал – данные топонимики и диалектологии¹⁷. Так, в топонимии всех северных народов имеется “северно-финский слой”, а его черты – свидетельство контактов славян и чуди. Современная северная топонимия несет в себе следы всех напластований – разнохарактерных и разновременных (финские, карельские, вепские, саамские, коми). Дофинский же слой, наиболее слабо изученный, имеет связь с индоевропейской топонимией. Он распространен в изучаемых районах по Двине, Ваге, Модлоне, Свиди (между озерами Воже и Лаче). Этот слой достаточно слаб в северной топонимии, так как подвергся позднейшей “финизации”. Наречия древнего Заволочья (центральные районы Севера, в основном будущего Вологодского края) “возникали в языках, характер которых был обусловлен их географическим положением между прибалто-финскими и саамскими наречиями, с одной стороны, и восточно-волжскими (мари) с другой”. Поэтому в топонимии Заволочья этот прибалто-финско-саамско-волжский слой можно легко обнаружить. Примеры таких топонимов многочисленны: залив *Ошингерь* в Устьянском районе связан с мариjsкой *Ошеньгой*, *Ошугой*, саамские *Яхреньга*, *Мехреньга*, *Яг-рема*, *Няндом* близки к мариjsким топонимам на *-ер*, *-йар* (озеро) и др. Но под этим топонимическим слоем есть слой, созданный этносами, языки которых промежуточны между прибалто-финско-саамскими и волжско-финскими языками, а прибалто-финско-саамско-волжский слой возник уже при переселениях групп из Волго-Окского междуречья на Север, которые сменяли и ассимилировали друг друга, оставив субстратную топонимию. Так или иначе, этот севернофинский слой наличествует в топонимии

мии всех северных народов. А его черты – свидетельство контактов славян и чуди. Топонимия на века сохранила осознание тем или иным этносом себя и своих соседей, память об освоении им разных мест и земель.

Прибалто-финская топонимия до прихода славян была уже распространена широко: финские *Ихалица*, *Воя* встречаются даже по Средней Сухоне; названия на *-лахта*, близкие к названиям западнофинских карел, есть в Кенозерском крае; *Вья*, *Пинега* восходят к вепско-прибалтийским названиям; вепские топонимы есть в бассейне Ваги (*Химанево*), в Белозерье (*Бонга*, *Бохтюга*, *Бохтеньга*). Саамские названия, близкие к прибалто-финским, остались по Кулою, в Белозерье, на Пинеге, по Средней Двине, на Вашке (*Кумасолово*, *Обсолово* – от *kula* – рыба, *suolo* – остров; названия на *-нюхч* – лебедь, *-чухч* – саам, на *-нема* – мыс). Некоторые фамилии местных жителей, происходившие из языков финно-угров, стали здесь этнонимами: *Буртасовы* – от *буртас* с языка древнего полукочевого народа по Средней Волге, а с принятием христианства ставшего названием чувашей; *Мордвиновы* – от *мордвин* и др.

Несколько хуже представлена на Севере “пермская” топонимия. В восточных районах Заволочья (позднее в районах коми) есть характерные для нее названия на *-юга*: *Вежаюга* – Святая река. В XIV в. Стефан Пермский застал здесь зырян около Устюга, но в то время пермянское население в бассейне Сухоны, Юга, низовьев Лузы растворилось в русской среде, остались отдельные его очаги. На Средней и Верхней Лузе пермяне еще обитали – это так называемая *Лузская Пермца*. В XIV–XVI вв. топонимы *Лузская* и *Вилегоцкая Пермца* еще сохранялись, правда, сама *Вилегоцкая Пермца* (пермяки) “рассосалась” (была ассимилирована) в XVII в. Пермская вол. на Пинеге, Пермгоры на Двине, Пермас на р. Юг были районами долгого проживания коми; они называли себя пермяками, в отличие от жителей Сысолы – зырян.

Синтез культур этносов, соединение разных ее черт, традиционное сознание народов становятся особенно заметны, если рассмотреть по топонимическим источникам процесс постепенного освоения северных пространств. В ходе его вновь заселяемые русскими места включались во внутренние психологические границы Руси. Начиналось создание своей этнотерритории. Эта постепенность, стадийность в освоении земель уловима в северной топонимии – названиях деревень. А названия северных деревень были своеобразными. В них отразились этапы хозяйственного освоения территорий и изменений, происходивших с деревнями как типами сельских поселений. Самый ранний пласт названий селений, дошедший до нас и существующий поныне,

это наименования одиночных селений по берегам рек, образованные от гидронимов или названные по характеру местности и заимствованные из языка предков финно-угров (в форме – где деревня?): *Деревня при реке Оште; Печище при реке Пичуге*. Это был тот этап, когда земля в сознании людей становилась своей и было положено начало дальнейшему проникновению в “чужие” (неосвоенные) места.

Такому психологическому сознанию помогало сооружение на заселяемой территории храмов, так как они начинали играть “ведущую роль в облике окружающего естественно-природного ландшафта”, объединяя все пространство. Связь и целостность храмов с местной средой никогда не нарушалась. Церкви, часовни, памятные и обетные кресты, ставившиеся в ходе освоения территорий, “включались в важнейшие объекты крестьянского мира” – в деревни, дороги, уголья, водоемы. Так же, как и названия деревень, храмонаименования отразили становление массового сознания насельников этих территорий, в данном случае религиозного сознания. Названия храмов, не важно, к какой группе они относились, становились частью историко-культурного пространства края, в них воплотились религиозные представления и ценности. Так, появлялись храмы, посвященные Христу, событиям в его жизни, Богородице, ангельским чинам, пророкам и апостолам, святым – вселенским, общерусским, местным¹⁸.

К началу XVIII в., когда закончилось основное заселение Севера, названия в форме – где деревня? вытеснялись топонимией типа – чья деревня? Тогда земля четко осознавалась собственной и названия мест означали принадлежность. Рост численности населения и появление многих владельцев земельных участков привел к определенным переменам: деревни получали названия от имен или прозвищ жителей – *д. Тихоновская, а Барановская тож*. Эти топонимы уже, как правило, происходили из русского языка, что свидетельствовало об освоении глубинных территорий русскими¹⁹.

В XIX в. появилось много деревень, к первоначальным названиям которых добавились слова *Верхняя, Нижняя, Новая, Старая, Другая, Вторая* и т.п., а также с двойными-тройными названиями: *д. Перхушково (Леонтьевская), д. Новопоставленный Починок, д. Выставка на отъезжей Кременской пашне, д. Васильевская, Филимоновская под Сосновским Городком*. Это свидетельство увеличения численности населения и возникновения новых деревень. Идет внутренняя колонизация земель путем вторичных переселений, и земли воспринимаются как свои, вновь освоенные, а история воспроизводится именно в таких названиях местностей.

Самым веским доказательством роста числа деревень и их населения явились данные о “переходе” в деревни других типов селений – древних погостов, сел, починков, слобод, выставок, займищ, селищ и т.п. В деревни превращались многие селения, в которых появлялся полный комплекс сельскохозяйственных угодий, а об их прежнем статусе напоминали лишь названия: д. *Брызгаловский Выселок (Мыгра)*, д. *Распаханная Холмовская Выставка (Лимониха)*, д. *Телеговский Починок*, д. *Сергиевская Слобода*, д. *Брусенка Городок*, д. *Городище (Красная гора)*, д. *Погоская (Выставка из д. Кобылина)*. История освоения Севера, осознание насельниками ставшего своим пространства, названного ими, и отразились в том, какие названия они давали своим селениям. В этих названиях, частью которых стали слова *волок*, *погост*, *слобода*, *посад*, *выставка* и т.п., прослеживается путь от заселения волоков, основания погостов, слобод, от займок и выставок – к селам, деревням, посадкам-городам. Таким образом, свое пространство было уже создано, а в нем – центры, окаймленные волостями-округами²⁰. Сохранение в топонимии их названий да еще произведенных из разных языков – свидетельство контактов и синтеза культуры народов.

Бесспорное свидетельство происхождения севернорусского населения путем смешения разных этнокомпонентов – говоры Русского Севера. Язык – это показатель и хранитель этнического самосознания. Именно на нем, на осознании индивидумом или сообществом людей собственного языка и языкового поведения и представлении о речевом поведении чужих, соседей, другого народа основывается этносамосознание. Изучением соотношения языка и этноса, его исторически значимых особенностей занимается этнолингвистика и прежде всего диалектология. Формирование выявленных этой наукой групп русской речи (говоры) было обусловлено целым комплексом исторических, природных и культурных факторов²¹.

Согласно данным языкознания, в древности на Севере обитали финно-угорские народы – прибалто-финны карело-вепсского типа и древнепермяне, которые не являлись непосредственными предшественниками карел, вепсов, зырян, а были их далекими предками. Заволочье (рассматриваемые здесь севернорусские – вологодские земли) принадлежало карело-вепским племенам, промежуточным между прибалто-финскими и пермскими племенами, говорившими на языке, в котором существовала топонимия на *-ньга (Ошеньга, Печеньга)*.

Все северные говоры составили *окающее* наречие (в отличие от южнорусского *акающего*), в котором сформировались отдельные группы говоров. В каждой группе есть как общесеверные (и даже общерусские) черты, так и местная специфика²².

Данная специфика наблюдалась еще до XVI в., когда шло противоборство новгородского, ростово-суздальского и московского говоров вместе с продвижением их носителей на эту территорию. Позднее северные говоры обособились, сохранив черты тех или других, как, например, архаическое новгородское *цоканье* или возникший под ростовским влиянием переход одних звуков в другие (*ѣ* в *е*, *ѡ* в *о* при произношении *и*), *оканье* и др. Жители районов, освоенных новгородцами либо ростовцами, долго помнили и осознавали свое происхождение от той или иной группы. Они разговаривали на языке, формировавшемся путем сплава речи пришельцев и местной речи. Нивелировка же новгородских и ростовских черт в языке шла в центральных районах Севера, и тем не менее особенности говоров живут в разных местах до сих пор.

Кроме сохранения своих особенностей, языки всех северных народов постоянно испытывали взаимовлияние. Оно было преобладающим со стороны русского языка на местные финские как языка численно и культурно превосходящих в древности русских над остальными народами. Особенно это сказалось в конструкции и построении карельской и коми речи. Но некоторые заимствования из этих языков были и в севернорусской речи, главным образом в лексике. Из финно-угорских языков перешло и ударение в словах на первый слог, появилось некоторое неправильное произношение звуков при переходе одних из них в другие.

С вхождением северных районов в состав Московской Руси нивелирующие явления во всех сторонах жизни и в языке начали нарастать, что обуславливалось единым социально-экономическим, историческим и этническим развитием этих районов с XVI в.

Итогом взаимодействия народов при освоении ими северных территорий стало сложение “этнической карты” Севера к XVII в., которая не претерпела существенных изменений до настоящего времени²³. На основной его территории сформировалась русская народность (ее севернорусская группа), а на окраинах – народности финно-угорского происхождения. К XVII в. севернорусское население представляло собой своеобразную этнотерриториальную общность, обладавшую определенными культурными отличиями от других подобных общностей и своим самосознанием.

Дальнейшие изменения в XVIII–XIX вв. имели характер развития, деформации отдельных напластований, усложнений, которые не изменили общий облик культуры северян. Сформировались ее общие черты, наметились локальные варианты. Установились традиционные связи, процесс адаптации в северных условиях завершился. Областные наименования жителей, судя по источникам этого периода, перестали употребляться, так как все они четко осознавали себя русскими. Такое единение все более

крепло, ибо они утвердились вместе со всем народом в православной вере, поэтому нередко слова “русские” и “православные” заменяли друг друга. В сознании людей такие слова стали означать одно и то же, т.е. этническое и религиозное сознание слились воедино. Осознание всего этого выразилось у северян, как и у народа в целом, в тех или иных жизненных проявлениях и разнообразной деятельности.

Народное самосознание северян ярко выступает при изучении исторического развития и народной культуры XVII–XIX вв. Основным источником, относящимся к этому времени, могут быть данные различных наук, и особое место среди них занимает этнография. Этнографические источники, как нарративные, так и полевые, материал которых “добывается” в ходе экспедиционных обследований, современных в том числе, дают возможность ретроспективного рассмотрения. Особенно важны данные этнографии, изучающей народную культуру, ибо любая форма (элемент) этой культуры является этно-, социо- и конфессионально определяющей; в основе культуры заложены и мировоззрение, и самосознание этносов. (Примеры конкретного отражения мировоззрения и самосознания северян в их народной культуре – предмет рассмотрения в статьях настоящей книги. Здесь же, как уже указывалось, внимание уделяется знанию северян своего происхождения, народному осознанию себя и своих соседей.)

Наиболее ярко контакты народов или населения разных районов и сохранение им своего самосознания отражены в многочисленных описаниях, зафиксированных суждениях самого народа, населявшего, в частности, вологодские земли. Такие материалы собирались местными исследователями и сохранились в Государственном архиве Вологодской обл. в фонде Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК) и частично в отделе рукописей Вологодского государственного музея-заповедника. По этим источникам воссоздается картина жизни, характер, психология севернорусских крестьян, восприятие ими окружающего мира, себя и соседей, т.е. их самоощущения и того образа северянина, который отличает его от жителей других русских регионов, несмотря на осознание всеми ими единства с народом в целом. Ниже приводятся примеры, в которых такая характеристика дается самим народом, и создается возможность понять этнопсихологические явления изнутри, из народного сознания²⁴. Эти примеры – подтверждение всего того, что было изложено выше о происхождении северян по данным разных научных дисциплин.

Так, население Череповецкого края в конце XIX в. ощущало себя “сплошь русским”, людьми с долготерпением (последнее было характерно и для всего народа – не говорит ли это об ощуще-

нии единения со всем народом?), но оно видело “следы чуди” в своих физическом облике, обычаях, речи. Лишь у живших здесь раскольников, по мнению этого населения, сохранилось все “чисто русское”. Северные исследователи, описывая череповецкое население, передавая его мироощущение и приводя характеристики разным жизненным проявлениям, приходили к выводу, что нравы и обычаи народа зависят от климата и природы, поэтому они нашли, например, жителей здешних болот “унылыми и вялыми”²⁵.

В другом западном вологодском районе – в Устюжне Железнопольской – наличие природных и железных руд и занятие железоделательным промыслом наложило отпечаток на характер людей. “Устюжна Железная, а люди в ней каменные”, – так говорилось в местной поговорке о кузнецах-расковщиках с замкнурым и твердым характером, что отличало их от соседей.

“Неприветливым и угрюмым” считался народ некоторых волостей между Кирилловским и Кадниковским уездами в Вологодской земле (Огибалово, Чужга, Чарозеро, Дягилевы Горы). В облике местных русских, как они сами понимали, “чувствуется примесь карельской крови”. У населения этих мест действительно был сильный “финский” компонент, а в глазах исследователей потомки древней чуди заметно “уступали” славянам в культурном и физическом развитии. Так, у карел они отмечали “угловатое длинное туловище на коротких ногах, руки длинные, рост средний”, но телосложение плотное, крепкое, “цвет лица розовый или малиновый”, “усы светлее бороды”, сильную скуластость²⁶.

В соседнем Каргополье из-за смешения народов в облике людей не было “чисто славянского типа”, ибо там когда-то, по выражению местных жителей, жила “чудь белоглазая” (со светлыми волосами и глазами). Потомки этой чуди – карелы – усвоили славянскую культуру, язык, семейный уклад, религию. Несмотря на это, *каргополы* по физическим свойствам отличались от карел: они “выше среднего роста, крепкого сложения, склонны к дородству, полноте, добродушны, простоваты, они русые и рыжие, светлоглазые”. Осознание себя каргопольцами и в то же время русскими они выражали характеристикой: “это все русское”, а в народе облик каргопольца определяли довольно иронично: “Красна рожа, рвана одежда, рот пол – верно, каргопол”. За этим юмором скрыто чисто народное самосознание и память²⁷. В зависимости же от степени смешения славянского и финно-угорского компонентов в районах Каргополья и до сих пор различаются жители Лекшмоозера, Кенозера, Пачеозера. Но все они по историческому прошлому и экономическому развитию “тянули” к северным и восточным соседям (вологжанам и архангельцам), а не к олонечким карелам. Финские черты в облике насельников за-

падных уездов со временем сгладились, а к славянским прибавились угловатость и скуластость, но у обоих народов здесь в основном светлые глаза и волосы. Там же, где преобладал славянский компонент (восток бывшего Вытегорского у.), у населения отмечался “рост выше среднего, волосы русые и темные, глаза светло-серые и карие; они добры, просты, радушны”²⁸.

Чем ближе к центральным районам Вологодской губ., тем больше осталось свидетельств в источниках “о здоровых и крепких русских”, каковыми, например, были жители Вологодского у. или обитатели местности Рабанга на Сухоне (в 21 деревне между Вологодским и Кадниковским уездами), имевшие “наружность обыкновенную, рост средний, крепкое сложение”; по наблюдениям исследователей, “они бойкие и смуглые, язык их правильный, но говор отрывистый”, в отличие от говора других мест губернии, где говорили “нараспев”. Славянские черты в характерах обладали у обитателей Устья Кубенского (Кадниковский у.): “они предприимчивы, как прежние новгородцы”, богаты, “живут на городской манер”, у них нет праздности и “любят разные нововведения”. В кадниковской Устьянщине (д. Шпылиха), по словам местных жителей, характер людей “буйный”, к тому же “шпыловские мужики все толстые кулаки” (живут богаче, чем другие), а в целом кадниковцы, как они о себе говорили, религиозны, честны, трудолюбивы, веселы, склонны к шуткам. По описаниям краеведов, соседи находили в их “обычаях много хорошего, гуманного, разумного”. Их физический облик: средний рост, иногда высокий, телосложение крепкое и стройное, смуглые, русоволосые.

У народа в соседних с ними тотемских деревнях (Калининская вол.) “отклонений от общерусских типов” не было: “рост большой, частью – средний. Они темно-русые, у них нет скул, нос умеренный, даже красивый”. Другое же тотемское население – в Шуйской вол. – сформировалось иначе, так как там с древних времен при тесной жизни этносов произошло “их слияние в один народ”, а преобладание культуры пришельцев было настолько велико, что жившие до них обитатели “утратили свое обличье, растворились в пришельцах. Только чуждые славянскому языку названия рек, деревень, урочищ говорят о коренных жителях – исчезнувших племенах чуди”. В их наружности остались черты нерусского происхождения: рост ниже среднего, редкая и жесткая растительность на лице, скулы и, как они сами отмечали, у них “раскосые глаза”. Еще они о себе говорили, что “рознятся с соседями” (в Грязовце, Солигаличе): “это видно в говоре, в способе ведения хозяйства, в жилище”. Благополучие шуйских крестьян объяснялось в народном понимании их происхождением от пред-

Северное жилище: *а* – изба-пятистенник с зимовкой. Присухонье. Фото С.Н. Иванова, 1994 г.; *б* – изба-двойня в с. Усть-Алексеевское Устюгского р-на Вологодской обл. Фото С.Н. Иванова, 1987 г.; *в* – двухэтажная изба и изба на высоком подклете в д. Бекетовской Вожегодского р-на Вологодской обл. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.

приимчивых новгородцев, а затем – их жизнью в Ростовском митрополье (владении митрополита), с 1676 г. их переводом в разряд экономических крестьян, условия жизни которых были лучше, чем у помещичьих крестьян. Точно так же в Бережнослободской вол. Тотемского у. крестьяне были “грубы и дики”, но не знали крепостничества, поэтому у них, как они объясняли, “простота воли”. В целом же тотемский народ нрава миролюбивого, тихого, немстительного. Нечто “финское” по “племени и характеру”, наряду с преобладанием русского, оставалось, как и у тотмичей, у другого населения центральных районов Вологодчины (в Лежской вол. Грязовецкого у.), а также “особая суровость характера” у людей в деревнях по Кокшеньге²⁹.

Большим своеобразием отличались жители Кокшеньги – *кокшары*. В архивных материалах сохранились сведения о них и соседях. Их предки испытали влияние не только древних *чуди* и *мери*, но и двух потоков славян – новгородцев и ростовцев. Этот народ жил в волостях по Кокшеньге, в местности между реками Илезой и Кортюгом, в соседних волостях по Уфтюге, и все это пространство занимало среднюю Вагу с притоками – Усья с Кокшеньгой, Вель, Кулой, где к концу XIX – началу XX в. было 40 тыс. жителей. Кокшеньгские волости заселялись из Новгорода: по преданиям, новгородцы Сила и Бусый пришли в эти места, оставив здесь фамилии Сиринских и Бусыревых. По наружности кокшары не отличались от соседей, но в их нравах и обычаях есть своеобразие. Сами они считали, что никакого отношения к “чудинам” не имеют, ибо, в отличие от них, они здоровые, крепкого телосложения, сильные, ловкие, проворные, особого душевного склада. И в то же время их тип “похож на зырян”. “Живут кокшары особняком, – писали о них очевидцы, – у них иные обычаи, нежели у соседей; к ним не проникает ничего чужого, от них же заимствуется многое. Чувствуется, что это потомки Новгорода (со времен Марфы Посадницы)”. Они называют себя *кокшарами* (от “Кокшеньга” или “Кокшельга”). Древняя “чудь”, “чудин”, по их мнению, – “невзрачный человек, обросший волосами, с белыми глазами, дикий”. Прозвище “чудь” осталось за жителями некоторых деревень “по их чудской природе”: за Батаговыми и другими людьми в деревнях Подгорная (Игунинская), Ильинская и Скребиха. “Они ни праздника, ни воскресенья не знают. Все на работе, либо в лесу. В церкви не бывают и молитвы не знают, тем более ни книг не читают, грамоте не знают”.

Наряду с прозвищем “кокшары” существуют у местных жителей прозвища “мордва” (д. Наумовская Спасской вол.), “зырь”, или “зыряна”, и “корела” (д. Первая Корелинская, или Боярская, и Вторая Корелинская, или Володино, Поцкого общества Спас-

Украшения фасадов изб: а, б – в с. Усть-Алексеевское Устюжского р-на Вологодской обл. Фото С.Н. Иванова, 1987 г.

ской вол.). По местному преданию, жители корелинских деревень – *корелы*, “светло-русые, честные, злопамятные, со слабо развитыми умственными способностями”; у них у всех фамилия – Девятовские. В Озерецком приходе в д. Ричка, как гласит легенда, когда-то жила чудь, а теперь ее жители отличаются от кокшаров; “чудь – их родовое прозвище, они не забывают обид, очень выдержанны, честны”, “роста среднего, высоких нет, смуглее,

чем кокшары”. Таким образом, у кокшар было больше черт новгородских и в характере, и в облике, чем древнечудских. В целом кокшар, как они сами считали, “это бунтовщик, разбойник, головорез, но в сущности это трудолюбивые, энергичные, предприимчивые и сметливые люди”. Они “красивы, смуглы, черноволосы, черноглазы”³⁰.

Близкие соседи кокшаров по Вели и Кулою имеют с ними сходство во внешнем облике. Как отмечалось, народ в Вельском у. в Тавренъге (деревни Шируханово, Прилуки) “своеобразен по типу: у него высокий рост, глаза серо-зеленые и голубые, большие” (славянские черты), в то же время их отличает челюстной прогнатизм (выступление челюстей), темные волосы (возможно, от сублапаноидного типа); в других деревнях Тавренъги у жителей средний рост, карие глаза, русые волосы, они курносы, т.е. налицо смешение различных признаков. Их туловища длинные, “поэтому таврежан зовут (их соседи. – *И.В.*) брюханами или векшедами (векша-белка)”, в то же время их женщины очень красивы – “русоволосые, белолицые, дородные”, есть и красивые мужчины – “высокие, черноглазые”; “это новгородцы, но как бы оциганенные”, говорили они о себе, поскольку часть жителей уезда – “чудского происхождения”. Такими же чертами обладали и обитатели Верхней Ваги – *ваганы*: “толстобрюхий ваган роста среднего, телосложения крепкого и стройного; господствующий цвет волос и глаз – беловатый” (от “чуди белоглазой”). “Обличье их овальное. Они смелы. К физическому труду привычны, проворны, любят петь”. По Верхнему Кулою жили такие же люди, а “по преданию, они вышли из карел и финнов”. Северные соседи важан и кулойцев – жители Шенкурского у., которые также считались потомками новгородцев, были светлые (русоволосые); “черты характера их слагались под влиянием географических и общественных условий края и резко отличались от других русских губерний”.

Аборигены же *двиняне* (финно-угры) были среднего роста, толсты, полнокровны, с широким лицом, со скулами, рыжие. Они давали другим северянам прозвища: архангельцы – *морьякоеды* (ели морскую рыбу), вологжане – *телятники* (есть предание, как они съели теленка с подковами), шенкурцы на Ваге – *ваги кособрюхие* (носят низко на животе пояс), двиняне – *водохлебы* (занимаются сплавом леса), тарножане в Тарногском Городке – *векмоеды* (живут охотой на векму – белку)³¹. В этих описаниях явственно прослеживается оппозиция “мы–они”, совершенно четкие представления любой из групп населения о себе, о соседях, знание собственного происхождения и своего отличия от других. И такое осознание себя и остальных имело под собой основанием тот

Интерьеры современных изб: *а* – горница-половинка в избе с. Усть-Алексеевского. Фото С.Н. Иванова, 1987 г.; *б* – передний по-
цвятный угол с иконами; обеденный стол в избе в д. Вершина Вожегодского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.

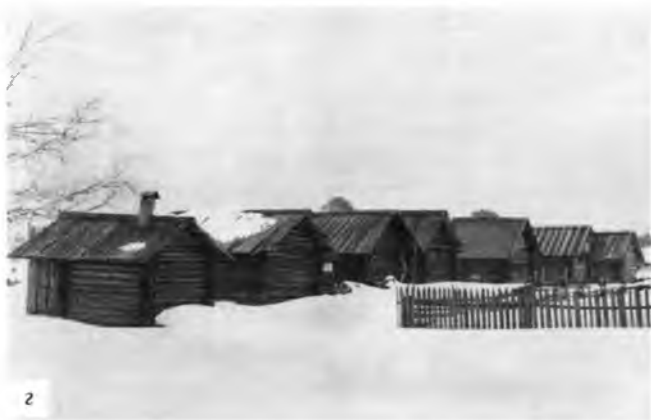
сложный путь, который прошли эти группы обитателей северных деревень в долгом развитии.

Своеобразную группу вологодского населения составлял также народ восточных Сольвычегодского, Великоустюжского и частично соседних с ними Яренского и Устьысольского уездов, о чем свидетельствуют следующие архивные материалы³². Здесь с ранних периодов истории в тесном соприкосновении жили предки русских и коми, поэтому население обладало чертами обоих этносов. Так, если в Кичменьгском Городке (в центре бывшего Великоустюжского у.) народ был “богобоязлив, трудолюбив, честен, чистоплотен, хорошо одет, жил богато и опрятно”, то южнее, в Никольском у. (часть этого же уезда Великого Устюга) по границе с Вятской землей, “жители похожи на вятчан, ленивы, вороваты; их язык неправильный, нечистый”. В другом районе Никольского у. – в Шарженьгской вол. – по-прежнему “жила чужь, но ее тип в течение пяти веков сгладился” (жила память о дорусском населении края). Сюда приселялся народ из Новгорода, Солигалича, Костромы и Тотьмы (налицо внешние и внутритерриториальные миграции, что влияло на формирование культурных традиций и самосознания). Как кичменьгско-городцы, так и жители Халезских Городков Байдаровской вол. Никольского у., “считают себя потомками новгородцев”. Здесь когда-то шел новгородец Анфал на Каму воевать с чужью. Жители Андангских починков (на пути Анфала) имеют фамилию Новгородовы. Тем не менее черты финского характера у крестьян, как замечали местные исследователи конца XIX – начала XX в., проявляются явственно: “они больше любят охотиться, нежели работать на пашне, и очень привязаны к старине”. Местные коми считались хорошими охотниками и плохими земледельцами.

От новгородцев уловимо многое в характере и облике русских Сольвычегодска. Там называли себя потомками новгородцев жители строгановского сел. Чернигова близ города.

По обследованию медиков, устюжане (Палемская вол.) “вследствие отхода (отхожие промыслы. – *И.В.*) [были] умственно развиты”. Здесь не знали крепостничества, поэтому у людей было “чувство собственного достоинства”. Это население, “крепкое физически, нравственно и умственно, носит в себе зародыш нормальной здоровой (разумной) жизни”. Отмечали у них и такие черты: “они не помнят, чтобы когда-нибудь было слышно о воре между ними; в деревнях и городах не замыкают никогда дверей”. Устюжане и сольвычегодцы – народ “рослый, красивый, бойкий”, живут в “веселых”, “красных” деревнях (у них избы строили из сосны красноватого цвета). От них отличаются “низкорослые, некрасивые, бедно одетые плюгавые мужичонки, лапотники, чах-

Хозяйственные постройки в северных деревнях: а – *взвоз* на хозяйственный двор избы. Фото из коллекции РЭМ 2640-17; б – амбар в русской д. Курья Троице-Печорского р-на. Коми. Фото С.Н. Иванова, 1983 г.; в – гумно с овином в д. Ручевская Вожегодского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.; г – бани в д. Гошково Вожегодского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.

лые бабы и дохлые дети”, живущие в серых низких избах и “келейках” в болотистых местах Вологодского, Кадниковского, Тотемского уездов.

С соседними зырянами у русских много сходства во всем, основные различия – в языке. Зырянские этнонимы *комиморт*, или *зырянин* (от слова *зырэдем*), перешли в русский язык и обозначали их самоназвания. По описаниям, коми разных мест различались между собой в зависимости от степени смешения со “славянским компонентом”. Устьысольские зыряне к XX в. сохранили язык и обычаи (Урчинская вол.), “они грубы, необразованы, но зато добры и смышлены”, этот народ “здоровый, роста невысокого, коренастые”; есть здесь и русские (с. Лойма). Зыряне по Верхней Печоре и Вычегде (современный Троицко-Печорский р-н) “мало отличаются от русских, особенно по Вычегде. По Печоре они светлые, русые, с карими или зелеными глазами, с косым разрезом глаз, с монголоидной складкой века, роста среднего, коренастые”. В целом же при первом взгляде коми “вялы, тщедушны, робки, пасмурны, телосложения правильного, роста среднего, с белым лицом, у них быстрый взгляд, резкий, певучий и отрывистый говор; они выносливы к климату, смелы, предприимчивы, хранят обычаи дедов, честны, гостеприимны, радушны, хлебосольны”.

Сравнивая русских и зырян в вологодских уездах, исследователи начала XX в. заключали: вологодские крестьяне – и русские,

Северный костюм: *а* – крестьяне в традиционной одежде из с. Серегинского в Северном Приуралье. Фото из коллекции ПОКМ. № 10844/2-2; *б* – женщины в костюмах-парочках в Хотеновской вол. Каргопольского у. 1920-е годы. Фото из коллекции ВОКМ. № 10001/85. Ф-993; *в* – дети и подростки в повседневной одежде в д. Княжиха Тотемского у. 1924 г. Фото из коллекции ВОКМ. 1001/18. Ф-927

и коми – “отличались крепким телосложением, имели рост больше средний, лица редко правильные”. Исторические судьбы и жизнь этих народов, единые с XVI в., в одинаковых природных и социально-экономических условиях, закрепили их сходство и не внесли

резких различий не только во внешность, но и во все стороны жизни. Отдельными чертами облика и быта они, конечно, различались. Русские были “открыты и откровенны, размашисты даже

в своих пороках; зыряне – недоверчивы, скрытны; первые – рассудительны, смышлены, любят новинку, уважают промышленность, деятельны; вторые – необщительны, слепо привязаны к родине и старине, честны в отношении к своему брату, но не таковы с теми, кого не знают, и враги всего чужого”.

Приведенные примеры суждений северян или исследователей, изучавших их миропонимание и мировоззрение, разделяются как бы на два вида: физические признаки людей (биологическое) и их характер, поведение (социальное). И то, и другое является определителем не только их этносознания, или понимания “мы–они”, даже в одноэтничной среде, в пределах расселения одного этноса, но и образа жизни, различий в занятиях, обусловленных особенностями их природного окружения и хозяйственной деятельности, а отсюда – и сознания северянина-земледедца или промысловика. Эти примеры, кроме того, говорят, что и в XIX, и в начале XX в. севернорусское и соседнее с ним инонаселение осознавало, кто оно, каково его происхождение, чем оно отличается друг от друга, кто мы, а кто они.

Рассматривая использованные материалы, можно прийти к наблюдению, что формирование облика деятельного и энергичного русского северянина, его “исторического типажа” началось еще в XI–XII вв., когда предприимчивые промысловик и земледелец начали осваивать Север, а затем с XVI в. стали первопроходцами Урала и Сибири. Этот образ северяне сохраняли на протяжении столетий. Население отдельных районов Севера, как видно, было сложным по происхождению, хотя и составило единую севернорусскую общность. Оно различалось по ряду признаков, по которым его можно “развести” в отдельные группы³³. У этих

Крестьянская семья из выселка Пуршич. 1928 г. Фото из коллекции ВОКМ. 5873/4. НВ

групп было либо особое самоназвание, либо своеобразная хозяйственная деятельность, либо существовала специфика отдельных форм народной культуры и вероисповедания.

С чем было связано появление отдельных групп единого населения, в том числе на Русском Севере? Освоение земель происходило путем адаптации поселенцев не только к природной среде. Они неизбежно сталкивались с иной человеческой средой, особенно если совместно заселяли какую-либо территорию, и поэтому им необходимо было приспосабливаться к этой другой социокультурной и психологической среде. В таких условиях каждая культура формировала свой адаптированный “образ реальности”, и при этом взаимодействии у разных групп поселенцев возникали и утверждались в жизни свои ценности, действовали свои мораль-

Деревенская молодежь. 1920-е годы. Д. Гарева Усть-Цилемской вол. Сольвычегодского у. Фото из коллекции ВОКМ. 822/111. Ф-804

но-нравственные нормы, несмотря на то, что в основе их были общие, единые мотивы и действия. Тогда в формировавшейся общей культурной традиции могли возникнуть внутренние альтернативы – локальные варианты общей традиции, вызванные потребностями адаптации. В локальных вариантах могли иметь место различия в общей, свойственной всему народу картине мира, могли быть разные проявления традиционного сознания. Но общность между группами не исчезала, так как и образ себя, и своих действий был у всех единым³⁴. Различия в культуре, облике, характере, поведении, языке и проявлялись у таких отдельных мелких образований единого народа.

Как указывалось выше, на Севере в XIV–XVI вв. существовали территориальные группы русских, именовавшиеся по местам расселения (онежане, белозерцы, двиняне и т.п.). В состав их вошли новгородцы, *низовцы* (ростовцы) и другие этноэлементы. На формирование их влияли как зональное размещение, так и разные этнические компоненты в их составе.

К тому же времени относится существование в северодвинских землях *Ростовщины* (ростовских владений), клином врезавшейся в новгородское Заволочье. Население Ростовщины по происхождению было связано с низовцами и жило в Белозерье, на северо-восточном берегу Кубенского озера (*Заозерье*), в северо-восточной части уделов ярославских князей (Бохтюжская вол. Кад-

никовского у. и Авнежская вол. Грязовецкого у.), в правобережье Северной Двины с притоками – Кокшеньгой, Велью, Вагой, Сухоной. Ростовщина на Сухоне заняла будущую Шуйскую вол. Тотемского у. – *Ростовское митрополье* (владение ростовского митрополита), и за здешними жителями закрепилось название *митрополы* (существовало в значении своеобразного этнонима). Таким образом, и население Ростовщины, как и отдельные группы новгородцев, было локальной этнотерриториальной общностью и частично сословным образованием (владельческим населением митрополита).

На Севере были и более крупные территориальные группы русских. К ним относятся известные *поморы* – потомки новгородцев, частично низовцев, отличавшиеся от других северных русских по хозяйственному быту, но близкие к ним по народной культуре. В их среде сформировались две более мелкие группы – *усть-цильмы* на Усть-Цильме и *пустозёры* на Печоре, по происхождению – потомки новгородцев с некоторой примесью местных финно-угров; по быту и те, и другие близки к Новгороду.

К этнотерриториальным образованиям можно отнести небольшую группу русских, живших в соседстве с вологодскими жителями, – население по р. Сить в Моложском у. Ярославской губ., известное своим самоназванием *сицкари*. По формированию они связаны с ростово-суздальским продвижением на Север, но в них влились и другие этноэлементы. В удельное время их земли были славянскими (князей Сицких), в Смутное время сюда попала часть карел из-за Свейского рубежа, а в XVI–XVII вв. переселилась часть русских из Центра (московские ткачи-хамовники), позднее в XIX в. – снова карелы из Тверской и Новгородской губерний. Из своего центра сицкари попали на Шексну и Мологу (теперешние вологодские пределы), но тогда их обособленность уже была нарушена; население же и Шексны, и Мологи приобрело от них в говоре *дзеканье* (западная черта), *аканье* (южнорусское), *цоканье* (новгородское влияние).

В северных уездах существовали еще небольшие группы русских, формирование которых было связано с другими моментами, нежели участие этносов и характер этноконтактов. В юго-западной части Севера отличалась от всего населения в языковом отношении группа *ягутков* (*ягунов*), по происхождению связанная с бурлаками Волги. *Яго* вместо “его” и *каго* вместо “кого” (*кагоканье*) – черты бурлацкого говора, проникшего к населению Череповецкого, Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губ. (теперь – Вологодской земли). Эта группа населения – профессионального происхождения, занималась бурлацким промыслом и получила свое название от прозвища.

Самым большим своеобразием в пределах рассматриваемых вологодских уездов отличались упомянутые *кокшары*. Они явились специфической этнографической группой на Севере и вобрали в себя все черты составляющих их этнокомпонентов. Свое самоназвание они сохраняли и в XX в. К ним “проник” антропологический тип из Ростова – так называемый *верхневолжский* тип, распространенный у русских Верхней Волги. От Новгорода они взяли “бойкий характер” и многие формы народной культуры (например, *гнездовое* расположение деревень, севернорусское жилище и костюм и др.), их диалект – *вологодско-вятский*, распространенный от Белозерья по Средней Двине к Вятке, но ранняя топонимия, как и все ранние названия местностей на Севере, финно-угорская, а самоназвание *кокиша, кокшары* – от марийского – “лысый”, “сухой”; их земля входила в Ростовщину, а позднее здесь развилось дворянское землевладение. Своим бытом, нравами и обычаями они значительно отличались от остальных насельников вологодских районов и не воспринимали ничего “чужеродного”. В этом виден пример стойкого сохранения своего самосознания и миропонимания.

В Важско-Кокшеньгско-Тоймском бассейне выделялись еще более мелкие образования, нежели кокшары, долго сохранявшие самоназвания и собственный менталитет, явившийся следствием адаптации к сугубо местным условиям и осознания своего окружения. Так, среди кокшаров выделились *илежане* по р. Илезе, перенявшие свою культуру от беглых переселенцев в отличие от кокшаров, формировавших ее в своей среде, и *руфичи (руфенки)* по Верхней Кокшеньге, родоначальником которых был некий Руф³⁵.

Другим примером становления и длительного сохранения своего самосознания является история группы русских, заселивших небольшой район в Северном Прикамье – Юмо-Лопвинский край (Юрлинский р-н Коми-Пермяцкого АО), а в XVII–XVIII вв. его считали частью Европейского Севера. Заселение его русскими началось с конца XVII в., более интенсивно шло в XVIII в. и происходило оно путем поселения на необжитых землях в соседстве с коми-пермяками. Историческое развитие Юрлинского края привело к сложению там населения, осознававшего себя русскими. Но в его формировании в разное время принимали участие различные компоненты. В дореволюционных исследованиях высказывалось мнение, что *юрлинцы* – это обрусевшие пермяки (по данным диалектологии и топонимии). Исследования же последних лет приводят к выводу, что это население считало себя русским, говорило по-русски, не пользовалось коми языком и, по данным этнографии, сохранило свою русскую народную культуру³⁶.

Причины образования этого “русского ареала” среди коми окружения могли быть различными. Если на Русском Севере демографический фактор – численное преобладание славянских пришельцев уже в первые века освоения ими северных просторов – играл значительную роль в этнопроцессах и способствовал ассимиляции финно-угров, то в прикамском Юрлинском крае, освоение которого шло поздно двумя уже сформировавшимися как народы этносами со своим этносознанием, языком и культурой, этническое развитие народов шло по-другому: ассимиляции, а следовательно, обрусения пермяков, к тому же численно превосходящих пришельцев, произойти не могло. Тесное же совместное проживание в этом крае приводило к некоторым этносмещениям, к взаимовлияниям на все стороны жизни, к общим чертам в народной культуре, чему немало способствовала и единая вера, а в данном случае это усугублялось принятием старообрядчества здешними и коми, и русскими³⁷.

Обращает на себя внимание обособленная общность русских, имевшая вероисповедальные отличия от основной массы православных, – старообрядцы. Церковный раскол XVII в. привел к изменению на Севере Руси состава населения по религиозным признакам. Здесь проходил путь укрывавшихся от правительственных преследований старообрядцев к Белому морю, к Соловецкому монастырю. Беглецы наводнили олонечские, каргопольские, западные вологодские места. Их кельи и скиты появились в глухих почти непроходимых местах около маленьких рек и озер. В восточных вологодских землях раскол к середине XVIII в. также распространился, причем не только у русских, но и у христианизированных еще в XVI в. зырян.

В XIX в. было много исторических описаний с характеристикой населения севернорусских территорий по вере. Такие сведения содержатся прежде всего в документах учета населения и в статистических, исторических, этнографических обзорах губерний. Кроме православного – “мирского” населения и некоторой доли староверов на Русском Севере, эти материалы отмечают и другие конфессии, правда, представленные очень незначительным числом приверженцев. Основное же внимание в отношении различий населения по вере обращалось на старообрядчество.

Степень распространения раскола на Севере видна из статистики, например, Вологодской губ. В начале XX в. раскол был распространен почти во всех уездах: в Вологодском – в 35 приходах, в Грязовецком – в 29, Сольвычегодском – в 26, Тотемском – в 13, Кадниковском – в 12, Устьсысольском – в 7, Яренском и Вельском – по 3, Устюжском и Никольском – по 1. Особенно много раскольников было на Северной Двине, около Кубенского озе-

ра и на Печоре, в Устьысольском и Сольвычегодском уездах (свыше 2000 чел. в каждом), лишь в Вельском и Устюгском – по несколько человек³⁸.

Из направлений старообрядчества преобладающим было беспоповское, поповцев насчитывалось всего 30 чел. (австрийский толк в двух приходах Кадниковского у. и в трех – Грязовецкого). Их своеобразное миропонимание, согласно вероисповедальным установкам, отличалось от такового у живших с ними рядом “мирских”, которые подмечали это своеобразие и по-своему объясняли его. В этих объяснениях снова проглядывает характер оппозиции “мы–они”. Так, в Кубенской и Фетиньинской волостях Вологодского у. в двух деревнях жили раскольники, а окрестные крестьяне их называли “бесноватыми”. В Новленской вол. того же уезда жили раскольники “скрытно в домах за фальшивыми стенами”, а у беспоповцев наставниками были “мужние женки”. У старообрядцев д. Коробово той же Новленской вол. “лежала печать на характере их”, что, как подмечали жители этих мест, было видно по их лицу: они всегда были печальны, по особому одеты, не курили, не пили вино, строго соблюдали посты, у них имелись знахари. В новленском же с. Беседном скрывались *бегуны* (крайний толк беспоповского раскола). В с. Вахрушеве эти бегуны вышли из лесов и жили в деревнях, отчего получили прозвище “шатуны”. Их скрывали от мира, размещая “в верхних этажах изб или в комнатах во дворах”, а “покойников своих [они] хоронили в лесу” (Озерецковский приход).

В Грязовецком у. у *филипповцев* (от имени наставника Филиппа) была своя молельня и кладбище, жили они, не вступая в брак (беспоповцы-безбрачники), но их “семьи были патриархальны”, как отмечали окрестные “мирские” крестьяне Павло-Обнорского монастыря. В Углецком приходе в том же уезде раскольников приобщали к единоверию с православной церковью.

В северо-западных районах за Кемью раскольничьи пустыни и скиты “шли по кореле и поморью” (т.е. в расколе были и русские, и карелы), а келейщиками (наставниками) у них были “девки лет 35 с обетом безбрачия”. В келейниках бывали и “молодые мужики, бросившие семьи, и вдовцы”. В Каргополье также жило много *скрытников* (бегунов), были там и раскольники австрийской веры (поповцы); все они отличались, как видели их соседи, “замкнутостью, нетерпимостью к новшествам”, брак у них был нерелигиозный (не совершали обряд бракосочетания).

“Особыми деревнями и слободками” жили старообрядцы в Череповецком у., а среди мирских они расселялись “отдельными кварталами”, жили, “не обращаясь к властям и в суд, у них были свои выборные старосты, сборщики податей, о них не существо-

вало записей в метрических книгах". Они развили торгово-предпринимательскую деятельность, вели "обширные обороты, особенно те, кто арендовал мельницы и пруды для рыболовства и уголья для выгонов".

Следует сказать, что многие старообрядцы продемонстрировали необыкновенную стойкость и прочную адаптивную способность к разным условиям жизни, где бы они ни оказывались, сохраняя и развивая исконные народные традиции культуры. Благодаря своим ценностным ориентирам и установкам – не зависеть ни от кого, особенно от официальных властей, – они создавали "образцы" хорошо поставленных хозяйственных организаций, породив в своей среде многих ставших крупными в России предпринимателей, промышленников, культурных деятелей и т.д. Что лежало в основе их ориентаций и ценностей? Их главной идеей была самодостаточность старообрядческих общин, прекращение любых связей с "греховным миром". Они искали места, где можно было свободно исповедовать свою веру и оставить ее "в чистоте". Для этого предстояло так обустроить свою жизнь, чтобы можно было все необходимое производить в своем хозяйстве, т.е. создать самообеспечивающие хозяйства. Их общины представляли собой самодостаточный автономный мир, который и держал их корпоративность, религиозность и зачастую территориальную общность, соборность решений, постоянную связь с единоверцами.

Старообрядческий опыт выживания, их самосознание, основанное на принципиальных понятиях их веры, выдержавшей удары судьбы в течение многих веков, могут служить примером стойкости, умения оценивать и приспособляться к реалиям исторического времени. Это не значит, что их мировоззрение следует "брать на вооружение" и возрождать их веру и культуру, поскольку далеко не все может быть востребовано в нашей действительности. Речь идет об их опыте и умении, и все это должно быть выявлено, понято и всему этому необходимо пытаться найти адекватную замену³⁹.

В начале XX в., как отмечали многие исследователи, раскол "заметно пошатнулся при тесном общении с мирскими". На Вологодчине стало распространяться единоверчество: в уездах Грязовецком (Жерноковская вол.) и в Сольвычегодском (Белослудская и соседняя с ней волости). Особенно "слабел раскол" в брачных толках (т.е. у поповцев и части беспоповцев).

В послереволюционное время старообрядцы "не подавали о себе голос" и продолжали жить в местах, где расселились ранее. Лишь в канун "года великого перелома" в деревни Вожегодского р-на на Вологодчине наведывались беглые попы, скрываясь у жи-

телей и исполняя требы. Там жили так называемые *беглопоповцы* – одно из направлений поповского толка старообрядчества.

В советское время православной вере на Севере, как и везде в стране, был нанесен урон, вплоть до уничтожения храмов, монастырей (их в Вологодской губ., например, в 1912 г. был 21), до истребления церковнослужителей. Антирелигиозная политика советского государства, репрессии религиозных руководителей, старообрядческих в том числе, разрушали замкнутость раскольников. Старообрядцы рассеялись по северным деревням, почти нигде не сохраняя свою обособленность, не выделяясь среди других жителей, иногда тайно соблюдая собственные обряды и обычаи. Их обособленность нарушалась, происходило исчезновение многих черт традиционного быта и культуры, особенно тех, которые не носили религиозно-этического характера. Так, исследователи отмечали резкое угасание у них безрелигиозной календарной обрядности (песенно-игровой фольклор, праздничные веселья), менялся их костюм (оставалась лишь моленная одежда). Главные запреты в отношениях с инаковерующими касались только совместного приема пищи. Их замкнутость становилась условной⁴⁰. Молодежь у старообрядцев все более подвергалась влиянию новой идеологии, начинала отходить от религии предков, принимала различные новшества. Конфликт между поколениями был связан и с различными образовательными системами. Старшее поколение почти не затронуло светское образование, молодежь училась в советских школах, где система обучения противопоставлялась той, что была у старообрядцев с их послушанием, принятием догм, норм и предписаний согласно их вере⁴¹. Лишь их уникальная книжная культура дожила до наших дней. Собираатели-археографы и сейчас находят созданные ими книжные памятники-шедевры.

В условиях последних лет, когда “обострилось” самосознание не только этносов, но и их мелких образований (на Севере, например, поморов, на юге России – казаков), “поднимает голову” и старообрядчество, возвращаясь к истокам своей веры и стараясь напомнить об исконных русских народных традициях, которые веками помогали выстоять людям в разных жизненных перипетиях. То, что эти люди снова заявили о себе, свидетельствует, что они не утратили своего самосознания как отдельной общности, своего религиозного мировоззрения.

Возвращаясь к приведенным в этой статье материалам о северянах, главным образом о ранних периодах их истории и до первой четверти XX в., можно заметить, что с прекращением массового притока населения на Север еще в начале XVIII в. не менялся его этнический состав в северных областях, сложившийся при

завершении расселения русских в предшествующее время. Миграции же отсюда окончательно “затухают” к XIX в., уход населения становится ничтожным⁴².

Миграционное движение стало нарастать во всей России и несколько на Севере после реформы 1861 г. Запрещение вольных запашек в притаежной полосе и распродажа лесных участков по рекам лесопромышленникам поставили северных крестьян в трудное положение и стимулировали их отход в Петербург, Москву и другие города, а также уход артелей на лесоразработки и сплав, на строительство Мариинской водной системы и на разные работы. Кроме того, предоставление северным крестьянам права выкупа наделов и покупки земли в пустующих казенных дачах привело к некоторым крестьянским перемещениям. Результаты этих процессов отразила Первая Всеобщая перепись населения 1897 г., показав в составе местного населения северных губерний уроженцев из других мест. Этот момент важен, поскольку появление мигрантов, пусть даже в этническом отношении тех же самых, что и население, куда они прибыли, могло влиять на культурно-бытовую жизнь, вызвать какие-то трансформации в мировоззрении и самосознании населения, принявшего мигрантов.

Вместе с тем соотношение вновь прибывших с остальным населением, выявленное переписью, говорит о другом. Уроженцы из уездов своей губернии на Севере составили: 4,67% в Архангельской губ., 2,87 – в Вологодской, 4,33 – в Олонецкой, 6,99 – в Петербургской, 5,1 – в Вятской, 5,5 – в Пермской, 4,15 – в Новгородской. Уроженцы из других губерний соответственно: 3,63%, 2,42, 4,40, 50,9 (в Петербургской), 1,7, 6,3 и 5,92%. И, наконец, уроженцы других государств составили сотые доли процента, кроме Петербургской губ. (0,7%)⁴³. Таким образом, большинство жителей северных губерний оставались местными уроженцами – более 90% (в Вологодской губ. – 94,75%), лишь в Петербургской губ. – 41,50%.

Во второй половине XIX в. внешние приселения в северные губернии, как и везде, совершались, но были редкими. Это были перемещения крестьян из соседних с Севером губерний, тоже русских, где крестьяне страдали от растущего малоземелья. Миграции второй половины XIX столетия не изменили здесь этнический состав населения. Это способствовало тому, что самосознание северян к тому времени становилось устойчивым, не подвергалось заметным изменениям, и в нем было отчетливо выражено народное осознание / понимание себя, и если это было сельское население, то осознание себя крестьянами-земледельцами, существующими и действующими в условиях северной природы.

Последнее, правда, незначительное, изменение этнического состава в северных губерниях происходило в начале XX в. Оно было связано со реформой П.А. Столыпина, результатом которой являлось разрушение крестьянской общины, насаждение частной собственности на землю путем выдела общинников на хутора и отруба. Хуторское расселение в некоторой мере затронуло северные губернии, следствием чего было начавшееся изменение самосознания у части крестьян – от коллективного, общинного к индивидуальному, т.е. менялась их ценностная ориентация. Хутора появились в основном в северо-западных районах, примыкавших к рынкам сбыта продукции, на пустовавших до этого времени землях казны на юго-востоке Вологодской губ. и на севере Вятской⁴⁴. В хутора поселяли не только местных крестьян, но и произошло их приселение из малоземельных прибалтийских и западных русских губерний. Наибольшее число прибалтийских переселенцев составили эстонцы. С 1905 г. 7 тыс. эстонцев из Эстляндской губ. поселились на хуторах в Вологодской и более 3 тыс. – в Новгородской губ. В 1908–1913 гг. к ним присоединились литовцы и латыши из Виленской, Курляндской, Лифляндской губерний, белорусы из Могилевской и русские из Псковской, Смоленской и Витебской губерний⁴⁵.

Прибалты и белорусы расселились компактными очагами и заняли пустующие земли, почти не соприкасались с северянами, поэтому, хотя вновь прибывшие земледельцы и несли с собой собственную традицию, это не затронуло культурно-бытовые устои местных крестьян. В отличие от них, немногочисленное финноязычное население испокон веков жило вперемешку с русскими, и взаимовлияния и связи этих народов были постоянными. Хуторское расселение способствовало дальнейшему освоению незанятых земель, а также возникновению новых селений с иноэтничным населением среди подавляющего числа русских, но оно не привело, как можно было думать, к сдвигам в крестьянском сознании северян, появлению у них новых традиций и ценностей. К тому же такое положение не долго оставалось неизменным.

Решительные социально-экономические преобразования в стране, в том числе на Севере, начались с социалистическим переустройством деревни. Итогом этого были нивелировка структуры сельского населения, резкое сокращение численности жителей деревень, а также “качественное” изменение крестьянина, его психологии, жизненных установок, чему способствовали, кроме политических факторов, социально-экономические изменения и условия колхозного строя. Такие перемены в крестьянской психологии заметны при непосредственном рассмотрении этнокультурного развития населения любого региона в советское время.

Как замечал сам народ и те, кто обращался к изучению его состояния в те годы, кроме старых нравов, обычаев, традиций, у людей появились новые, причем не лучшие, ибо в различных жизненных перипетиях советских десятилетий у всех менялось мышление, поведение, характер. «Люди нынче другие.., – замечал один из героев бытописателя Севера Ф.А. Абрамова в повести “Мамониха”. – Балованные. Легкой жизни хотят»⁴⁶. Но несмотря на это, у северян еще остались умение, смекалка, “мудрое терпение” и другие качества, что наглядно демонстрируют наши материалы этнографических экспедиций на Русский Север в конце 1980-х – 1990-е годы⁴⁷. Конкретное рассмотрение самосознания русских северян по этим экспедиционным материалам будет предпринято позже, а в данный момент оно за рамками настоящей статьи. Здесь главное внимание, как уже указывалось, обращено на происхождение этого населения и развитие его этносознания, частично других видов народного самосознания – религиозного и крестьянского, которые в отдельные периоды “сливались” с этническим.

Что же стало характерно в целом для русского народного мировоззрения, развивавшегося в советские годы? Это был общий процесс для русских всех регионов, в том числе Русского Севера. У них формировались те стороны сознания, которые свидетельствовали о свойственной им “психологии политозтноса”. И причинами такого осознания и мироощущения были не только их численное большинство среди народов СССР, огромная территория расселения, повсеместное употребление русского языка, но и отсутствие политического статуса русских и в СССР, и в РСФСР. В таких условиях у русских интенсивнее, чем у других народов, проявилось представление о всей стране как о собственной этно-территории, о своей родине, а отсюда возникло и подчас безразличное, индифферентное отношение к этноспецифике и своей, и других народов⁴⁸. Последнее нагляднее всего демонстрируют семейно-брачные отношения, развившиеся в русской среде: более активное вступление в этносмешанные браки русских, чем такое у других этносов⁴⁹.

С самых ранних веков строительства Русского государства и до эпохи Российской империи включительно этническое и гражданское самосознание русских нередко “переплеталось” (русские – Русь / россияне). В XIV–XV вв., когда обособлялись русские, украинцы и белорусы, в исторических документах нередко фигурируют их названия – *малая, великая и белая Русь*. В XVI – начале XX в. этно- и конфессиональное сознание у русских часто совпадало. Такое развитие самосознания – от этногражданского до этноконфессионального – характерно для большого по чис-

ленности народа, который строил свою государственность одновременно с созданием этнотерритории и приводил к единой с ним вере многие народы, жившие в одном государстве. В советское же время этот народ-государственник оказался лишен своего этнонационального государства, поэтому у русских формировалось общенародное (общесоюзное) самосознание, и именно у них оно проявилось наиболее активно и интенсивно. Собственное этносамосознание народа со временем оказалось в кризисном состоянии, порой размытое, зыбкое, если только оно не было подкреплено «сильной исторической памятью, которая “просыпалась” в экстремальных обстоятельствах»⁵⁰.

Подводя итог рассмотрению материалов по севернорусскому населению, можно заключить следующее. Используемые в работе источники дают возможность понять, что северяне, несмотря на свое сложное происхождение, – это в целом единое русское население, долго сохранявшее на ряде территорий память о своем давнем своеобразии. Его самосознание в виду сложности происхождения самого этноса слагалось путем синтеза многих компонентов. Тесное многовековое проживание на Севере не только разных групп русских, но и других народов отличалось их мирным сосуществованием, хотя и оставалось этносамосознание каждого из них, сохранялась во всем своя специфика. Такая жизнь в течение восьми веков не нарушена и в настоящее время. В общей массе севернорусские жители, несмотря на формирование у них в последние десятилетия, как и у всех русских в стране, общесоюзного сознания, знают не только свою принадлежность ко всему народу, но и свою “особость”, сохраняют черты, присущие им, а также приверженность памяти и опыту предков⁵¹. Подобное этому изучение населения, с точки зрения формирования и самого населения, и его самосознания, может привести к пониманию, кто мы есть, какой была наша этноистория, а исходя из этого – каким должно быть наше последующее развитие.

¹ Лурье С.В. *Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала*. СПб., 1994. С. 19, 53.

² Теребихин Н.М. *Сакральная география Русского Севера*. Архангельск, 1993. С. 3–4.

³ Яковенко И.Т. *Севернорусская и южнорусская народности: Этнокультурные и политические аспекты* // Куда идет Россия?.. Вып. III. М., 1996. С. 264.

⁴ Там же. С. 267–268; Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М. *Русский этнос: региональные особенности менталитета* // Там же. С. 270–275.

⁵ Теребихин Н.М. *Указ. соч.* С. 6.

- ⁶ О значении Русского Севера в общем историко-культурном развитии и месте Вологодской земли в этом процессе см.: Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 3–36.
- ⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 97, 347, 355.
- ⁸ Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. Ч. II. М., 1850. С. 61–63.
- ⁹ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 125–134; Он же. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 175–176.
- ¹⁰ Башенькин А.Н. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–VIII вв. // Проблемы источниковедения и историографии Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 19–20; Он же. Археологические источники о сельских поселениях // Родословие вологодской деревни. Вологда, 1990. С. 27–28.
- ¹¹ Лурье С.В. Русская крестьянская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю // Куда идет Россия... С. 257; Власов В.Г. Христианство: проблема Востока и Запада // Религиоведение. 2002. № 2. С. 5; Харузин Н. Об ассимилятивной способности русского народа // ЭО. 1894. Кн. XXIII. № 4. С. 45–78.
- ¹² Макаров Н.А. Население... С. 27, 29, 32, 43–44, 128.
- ¹³ Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 23–24.
- ¹⁴ Витов М.В. Русские Севера в этническом отношении (современный состав и происхождение основных компонентов) // Вопр. географии: Сб. № 83. М., 1970. С. 162–172; Макаров Н.А. Население... С. 125–134; Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2. С. 60.
- ¹⁵ Ефименко П.С. Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869. С. 41; Поляков И.С. Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губернии // Зап. РГО. Отд. этн. 1873. Т. III. С. 68–70.
- ¹⁶ Витов М.В. Указ. соч. С. 162–172.
- ¹⁷ Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // Вопр. языкознания. 1965. № 5. С. 45–54; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 225, 286–289.
- ¹⁸ Камкин А.В. Православная церковь на севере России: Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992. С. 9, 16, 22.
- ¹⁹ Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 184–190; Власова И.В. Сельская топонимия северо-востока Европейской части СССР XVIII–XX вв. // Имя – этнос – история. М., 1989. С. 140–151.
- ²⁰ Терехихин Н.М. Указ. соч. С. 47.
- ²¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1975. С. 27–40.
- ²² Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984; Соболевский И. Очерк русской диалектологии. Северновеликорусское или окающее поднаречие // ЖС. 1892. Вып. 2. С. 3–17; Касаткин Л.Л. Русские диалекты // Русские. (Сер. “Народы и культуры”). М., 1997; 1999. С. 80–90.
- ²³ Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1900. С. 102, 126; Архив АН (Петербург. отд.). Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 41. Л. 20 об.

- ²⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1; Ф. 652. Оп. 1.
- ²⁵ Там же. Ф. 4389. Д. 204. Л. 40–42; Ф. 652. Д. 63. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Ф. 4389. Д. 146. Л. 17.
- ²⁷ Там же. Д. 208. Л. 10–12; Д. 219. Л. 9; Д. 220. Л. 56.
- ²⁸ *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 2, 60; *Пятунин П.* Каргопольщина в прошлом и настоящем. Каргополь, 1924. С. 16–18; *Шустиков А.А.* Троицина Кадниковского уезда // ЖС. 1892. Вып. II. С. 71; АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 877. Л. 8; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 146. Л. 17; Д. 208. Л. 10–12; Д. 219. Л. 9; Д. 220. Л. 56.
- ²⁹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 179. Л. 1; Д. 206. Л. 19–26; Д. 218. Л. 63; ВГВ. 1875. № 9. С. 9–10; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 346. Л. 3; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 3–4.
- ³⁰ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 221. Л. 54; Ф. 652. Оп. 1. Д. 62. Л. 4 об.; *Шустиков А.А.* Тавреньга Вельского уезда. Этнографический очерк // ЖС. 1895. Вып. 2. С. 184.
- ³¹ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 62. Л. 26 об.; Р. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.; Д. 100. Л. 68; Д. 54. Л. 1, 40–41.
- ³² Там же. Р. 7. Д. 73. Л. 7; Д. 98. Л. 7–10; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 101. Л. 5 об.; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 244. Л. 2 об.
- ³³ *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. М., 1958. С. 31; *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 363–369, 509.
- ³⁴ *Лурье С.В.* Метаморфозы.... С. 61–62.
- ³⁵ *Финченко А.Е.* Традиционная хозяйственная деятельность кокшаров, усьян и ваганов в конце XIX – первой трети XX в. Общие черты и некоторые локальные особенности // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 34–35.
- ³⁶ *Власова И.В.* К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Полевые исследования Института этнографии 1980–1981 гг. М., 1984. С. 3–11.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 250; ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2369. Л. 1–237; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1648. Л. 482–955; Ф. 1209. Кн. 1511. Л. 516–537.
- ³⁸ АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 178; Ф. 2. Оп. 1. Д. 162. Л. 8 об.–12; Р. 24. Оп. 1. Д. 15. С. 31–33; АРАН (СПб. Отд.) Ф. 94. Оп. 1. Д. 5. Л. 60 об.; ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 4 об.–29 об.; РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 786. Л. 3–7; *Дашков В.* Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1842. С. 86; *Пушкарев И.* Описание Российской империи в историческом, статистическом и географическом отношении. Т. IV. СПб., 1846. Раздел II. С. 39; Т. I. Кн. 1. 1844. С. 128–140; ВЕВ. 1904. № 16. С. 434; *Услар П.К.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. II. Ч. III. СПб., 1850. С. 358–361; *Серебренников С.А.* Топографическое описание Вологодского наместничества вообще // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 25. М., 1857. С. 43; *Ардашев В.Д.* Описание Устюжского уезда и городов Устюга и Лальска // ЖМВД. 1857. Ч. 24. № 5; *Макарий, арх.* Описание Ферапонтовской волости. СПб., 1854. С. 17.
- ³⁹ *Приль Л.Н.* Из земли Пермской в Сибирь с идеей самодостаточности // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001. С. 145, 152; *Позде-*

ева И.В. Книга–личность–община – инструменты воспроизводства традиционной культуры // Там же. С. 26–27.

⁴⁰ Золотарева К.А., Лихачева Л.Л. Традиционный комплекс женской одежды старообрядцев Красногорского района Удмуртии // Старообрядческий мир... С. 220; Черных А.В. Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Там же. С. 145, 152.

⁴¹ Чувьуров А.А. Социально-хозяйственная деятельность старообрядческих общин коми Верхней и Средней Печоры // Старообрядческий мир... С. 244.

⁴² Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 19.

⁴³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1897. Т. I. Тетр. 2. С. 228; Т. 7. Тетр. 2. 1904. С. VII; Т. 10. 1904. С. VIII; Т. 26. Тетр. 2. 1903. С. XII; Т. 27. Тетр. 3. 1904. С. IX; Т. 31. 1904. С. VIII–IX; Т. 32. Тетр. 1. 1903. С. XII–XIII.

⁴⁴ Статистические карты России 1912 г. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 558.

⁴⁵ ГАВО. Ф. 287. Оп.1. Д. 1969; Ф. 34. Отд. стат. Д. 496; РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 987; Кауфман А.А. Материалы и соображения по вопросу колонизации свободных земель северо-восточных губерний. СПб., 1902. С. 328; Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Wenemaal. Tartus. 1918. Lk. 36–38.

⁴⁶ Абрамов Ф.А. Соч. Т. 3. Л., 1991. С. 301.

⁴⁷ Архив ИЭА РАН. Ф. Восточнославянской экспедиции. Вологодский отряд. Д. 8334, 8710.

⁴⁸ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001. С. 79.

⁴⁹ Русские. С. 438–439, 455.

⁵⁰ Там же. Гл. 1; Савоскул С.С. Указ. соч. С. 424–425, 427.

⁵¹ Макаров Н.А. Русский Север... С. 175–176; Романов А. Русские деревни // Родословие... С. 5.